

63.3(2)51-8
0-58
CA-397293

«ОН ВЕСЬ, КАК БОЖИЯ ГРОЗА»:

ОБРАЗ ПЕТРА I
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА
В ИСТОРИИ РОССИИ

СОВРЕМЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД

Из гравюры Петра Леопольда, гравированной в Берлине.

Императоръ Петръ Великій.

Рис. и грав. съставилъ А. Дюма.

(Съ изображеніемъ портрета Императора Петра въ 1717 году, по гравюру Петра Леопольда, рис. на дереву, и грав. съставленъ А. Дюма.)

200-ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ДНЯ РОЖДЕНІЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Всемирная иллюстрация. 1872 Т. VII.

27 мая. № 178 С. 352–353.

«ОН ВЕСЬ,
КАК БОЖИЯ ГРОЗА»:
ОБРАЗ ПЕТРА I
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ

Под редакцией
О. С. Кругликовой

рррр

✓
Санкт-Петербург
Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»
2022

20-397293

Введение

Образ и имя первого российского императора неотступно сопровождают нас в текущих событиях – от политической повестки до деталей повседневного быта. Пётр I неизменно лидирует в рейтингах имён и лиц, символизирующих Россию¹, недавно сразу несколько городов боролись за название его именем аэропортов и т.д. Для общественно-политического диалога Петровская эпоха то и дело становится прецедентом, так называемым «актуальным прошлым», через размышления о котором мы пытаемся понять смысл процессов, протекающих сегодня. Возрастает напряженность в отношениях России с Западом – в общественном дискурсе уже наготове боевое «отсель грозить мы будем шведу», налаживается диалог с западными партнерами – все готовы «открыть окно в Европу», заходит речь об очередной форсированной модернизации – медиа наполняются шутками про бритье бород или вспоминают, что Петербург был, якобы, построен «на костях»...

Повсюду сталкиваемся мы с той или иной формой исторической памяти о личности Петра или его политических преобразованиях, но из чего состоит, когда, кем и как была сформирована эта историческая память? Знаменитый русский публицист И. Солоневич отмечал: «вся конструкция “петровской легенды” построена по “принципу пятака” (говорится, что Петр Первый ломал пятаки)... Петр Великий нашей исторической литературы – это такая же выдуманная фигура, как и его атлетические подвиги»². Так ли это?

Пётр I исторической науки и Пётр I стереотипов массового сознания, конечно, сильно разнятся между собой, и разрыв между конвенциональным сознанием историков и обыденным историческим сознанием с развитием массовой культуры только увеличивается. Но формировались эти два столь различных

¹ ВЦИОМ. Новости: Герои России: вчера и сегодня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja>.

² Солоневич И. Контуры будущей России // Наша Страна. 1950. № 53.

образа одновременно, параллельно друг с другом, и происходило это в XIX в., когда история, литература, журналистика существовали в первозданном синкретизме и только начинали свои самостоятельные пути, развиваясь вместе на одной общей площадке: на страницах толстых энциклопедических, а затем общественно-политических русских журналов. Изучать становление и развитие образа Петра Великого в журналистике крайне важно не только потому, что именно журналист, а не профессиональный историк формирует исторические представления массового читателя, но и потому, что сформированные им представления массового читателя как носителя коллективной исторической памяти, в свою очередь, неизбежно оказывают влияние на мировоззренческие установки профессионального историка.

В политической полемике между консервативными и либеральными мыслителями XIX в. одной из ключевых тем было осмысление оптимального типа государственного устройства и политического пути развития для России на основе анализа её исторического опыта. В этом отношении отправной точкой для формирования своих теоретических положений и славянофилы, и западники, и почвенники полагали Петровскую эпоху, и, следовательно, много внимания уделяли его личности и исторической роли.

Для российской политической культуры в целом не была характерна разработка теоретических основ социально-философских учений в формате научных трудов. Чаще всего становление социально-философских и политических доктрин происходило на страницах журналов и газет, поскольку журналистика представляла собой в XIX в. единственное поле общественного диалога. Являясь одновременно и разносторонним отражением феноменов общественного сознания, и инструментом его формирования, журналистика по определению выступает конституирующей основой общественного бытия. Но именно в России в силу национально-исторической специфики становления журналистики она оказалась дополнительно насыщена социальными смыслами и социальными функциями.

Журналистика для России была одновременно научной кафедрой и политической трибуной, инструментом просветительской деятельности и инструментом самоорганизации политических сил, она восполняла собой и отсутствие парламента, и недостаточность университетов. Начиная со знаменитого манифеста В. Г. Белинского «журналистика – все в наше время» (и даже до него – еще в эпоху Н. И. Новикова и Н. М. Карамзина) журналистика проникалась почти мессианским пафосом общественного служения, и именно в поле журнальной полемики формировались те черты сознания эпохи, которые позволяют познать историю России в целом.

Рассматривая рефлексию истории Петра в общественном диалоге XIX в., важно принимать во внимание и еще один аспект, точно указанный одним из блестящих публицистов пореформенной России Н. А. Добролюбовым: «Мы еще не можем в своих исторических изысканиях отрешиться от интересов этого прошедшего, так близкого к нам и так постоянно, хоть иногда и незаметно, присутствующего в большей части явлений настоящего. Нам трудно, почти невозможно, избрать для какого-либо сочинения правильную и независимую точку зрения на события нашей новейшей истории именно потому, что они и в жизни современного нам общества еще продолжают во многом, еще не составляют прошедшего, совершенно законченного для нас»¹. Публицисты XIX в., с одной стороны, испытывали «абerrации близости», пытаясь оценить недавние исторические события, с другой стороны, оказывались в тисках актуальных цензурных условий, которые ограничивали простор публичных рассуждений о деятельности великого преобразователя.

Изучая формирование исторической памяти общества в журналистском дискурсе, принципиально важно принимать во внимание не только цензурные реалии времени, но и тот аспект, который объяснимо ускользает от взгляда классических историков: специфику коммуникационного поля эпохи, про-

¹ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 9 т. М.-Л., 1961–1964. Т. 3: Статьи и рецензии. Июнь – декабрь 1858–1862. С. 17.

1.1 Петровские «Ведомости» о деяниях Петра: император как автор своей легенды

Газета «Ведомости» неотделима от личности своего основателя, куратора, автора и редактора многих материалов, поэтому интерес представляет репрезентация в материалах «Ведомостей» самого Петра I: «Ведомости», будучи единственным периодическим изданием России своего времени, непосредственным образом участвовали в формировании не только облика Петра Великого, но и петровской легенды как мифологического нарратива о первом российском императоре, чей властный образ сочетал в себе три выделенных А. Ю. Дорским варианты¹: персону монарха в сакральном восприятии (в том числе в антихристианском), в личностном эйдосе власти и в роли непритязательного «народного лидера», любящего от души повеселиться и покутить. И. П. Лысакова справедливо отмечает, что на функционирование прессы в любое время определяющее значение оказывает текущее состояние политической конъюнктуры². При этом, особенно если перед нами серия публикаций о конкретной персоне, речь идет о формировании как образа, так и имиджа этой персоны³. В качестве ключевого аргумента приведем лишь тот факт, что Петр I является наиболее упоминаемым в «Ведомостях» человеком: по нашим подсчетам, с его именем связано не менее 155 текстов различного объема – от кратких заметок до объемной реляции после победы под Полтавой.

¹ Дорский А. Ю. Эстетика власти. СПб., 2013. С. 13–15.

² Лысакова И. П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005. С. 226.

³ Зеленина Е. В. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 2. С. 33–52.

1.3 История Петра I на страницах русских литературных журналов 1830-х гг.

В первой половине XIX в. русская журналистика не могла похвастаться большим количеством литературной периодики, поэтому не удивительно, что и литературный круг журнальных сотрудников был довольно небольшим. Многие были знакомы, частично их деятельность пересекалась, иногда совпадали не только издательские планы, но и круг интеллектуальных интересов. Так случилось с тремя журналами и тремя издателями: с «Отечественными записками» П. П. Свиньина, «Московским телеграфом» Н. А. Полевого и «Современником» А. С. Пушкина. Все трое, не сговариваясь, задумали создать эпохальную историю Петра Великого.

Свиньин начал писать историю Петра с 1825 г. Пушкин официально стал заниматься историей Петра с 1831 г., но первые высказывания о царе-реформаторе в пушкинских текстах встречаются еще в 1822 г. Крупнейшее на тот момент опубликованное исследование – многотомные «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России» И. И. Голикова (М., 1788–1789) – Пушкин начал внимательно читать в 1825 г. в Михайловском. Полевой приступил к написанию истории Петра Великого позже всех, с 1836 г., хотя и раньше много занимался российской историей.

Наиболее успешная с точки зрения завершения работы история Петра связана с именем Николая Полевого, который в 1843 г. издал четыре тома «Истории Петра Великого»¹. В этом труде нет не опубликованных ранее документов: Полевого, в отличие от Пушкина, не допустили к работе в архивах, и это существенно снизило ценность научного труда.

Павел Свиньин по своим историческим наработкам опубликовал лишь письмо в «Северной пчеле»² и выступил с

¹ Полевой Н. История Петра Великого. В 4-х ч. СПб., 1843.

² Письмо П. П. Свиньина к его превосходительству А. И. Михайловскому-Данилевскому, об Истории Петра Великого, им составляемой. Богородское, 10 ноября 1831 // Северная пчела. 1831. № 276. 4 декабря. С. 3–4.

Глава 2. *Визуальный образ Петра Великого в дореволюционной журналистике России*¹

Изображений Петра Великого немислимое множество – и прижизненных портретов, и посмертных иконографических копий, и живописи, и графики, и монументальной скульптуры, и пр. художественных форм. Искусствоведы начала XX века прекрасно понимали, что «ни один русский человек никогда не был чествуем такою громадною массою портретов, изданных не только в его отечестве, но везде и в иноземных государствах, как Петр Великий»². Как утверждает современный искусствовед С. В. Моисеева, «европейскими и русскими живописцами было создано около двухсот иконографических разновидностей изображения первого российского императора»³.

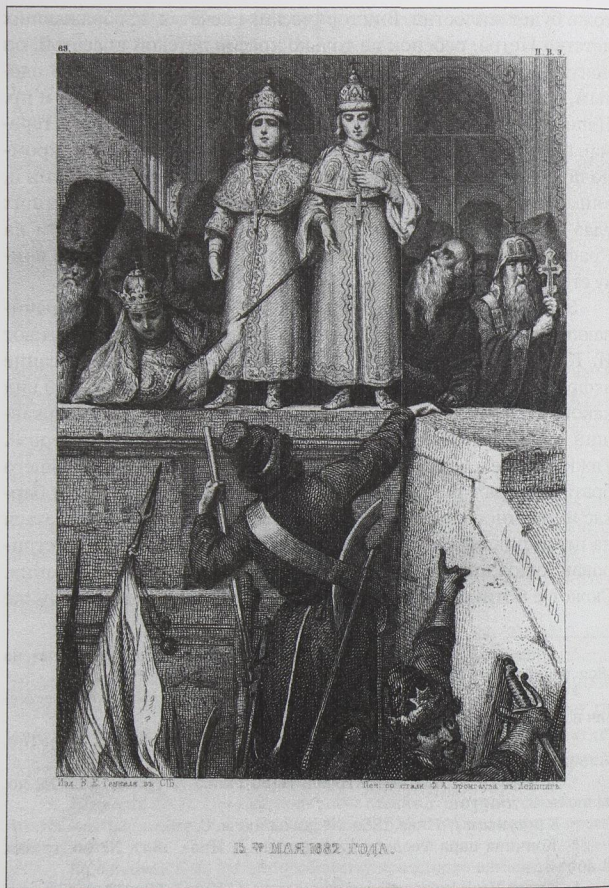
Жанровый диапазон обращения к облику императора был разнообразен, поскольку «изобразительное искусство стремилось обозначить отношение к личности царя-реформатора в самых разных формах: от традиционного в XVIII веке портрета, так называемого парадного и сочиненного, монументальной скульптуры до театрально-условного в живописи рубежа XIX–XX веков»⁴. От элитарных малотиражных книг до массового газетно-журнального воспроизводства петровских портретов, репродукций жанровых картин, фотографий скульптур и памятных мест, сатирической графики – вот тот долгий путь, по которому шел русский читатель, знакомясь с визуальным обликом Петра I. На этом пути ему встречались разные по ху-

¹ Благодарим М. А. Луковскую, Н. Г. Патрушеву (Санкт-Петербург), М. В. Бабич, А. Н. Каск (Москва) и Ф. Гусейнову (Саардам) за профессиональные советы при написании этой главы.

² Стасов В. В. Галерея Петра Великого в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1903. С. VI.

³ Моисеева С. В. Петр I: историк своего царствования // Петр I. Время и окружение (материалы выставки). СПб., 2015. С. 17.

⁴ Хуан Мин Хун. Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XX века. Автореф. дисс. ... канд. искусств. М., 2010. С. 6.

XXXI передвижная выставка. Царевичъ Петръ Алексѣевичъ и Дьякъ Зотовъ. Картина К. В. Лебедева, пет. «Нивы».

Рис. 6. Нива. 1903. № 15. 12 апреля. С. 285.

расстановку сил: любознательный подросток, учтивый мастер-иностранец, недовольные бояре¹.

Не всегда юный Петр присутствует на исторических картинах, но сердце жалостливого читателя-зрителя должно переполниться состраданием к царю-преобразователю, вынужденному в детстве наблюдать такие зрелища, как «Стрельцы над трупом князя Михаила Долгорукова» или «Стрелецкий бунт. Стрельцы обыскивают покой царицы Натальи Кирилловны»². Публиковались и репродукции картин, которые не соответствовали исторической правде. Например, в юбилейном номере «Нивы» была дана гравюра, рассказывающая о спасении

¹ *Топорков В.* К истории русского флота. 1688. Спуск на воду ботика в селе Измайлове // Живописное обозрение. 1888. № 22. 29 мая. С. 351–352.

² *Трутовский К. А.* Стрельцы над трупом князя Михаила Долгорукова // Всемирная иллюстрация. 1875. Т. XIV. № 363 (25). 13 декабря. С. 461; *Медведев И.* Стрелецкий бунт. Стрельцы обыскивают покой царицы Натальи Кирилловны // Нива. 1876. № 15. 12 апреля. С. 259.

XLII г.

№ 20

Выходит 15-го мая 1910 г.

Выходит еженедельно (за № 15 года) с притоком 40 коп. «Сборник» содержит соч. А. В. ПУШКИНА, В. М. ГАРШИНА и Ю. М. ГАМЗОВА, 12 глав Литературных и научно-художественных, 12 глав «Литературных и научно-художественных» и 12 глав «Литературных и научно-художественных».

Подписная цена с доставкой по почте: на 1/2 года 4 руб., на 1/4 года 8 руб.

Цена этого №—15 коп., с доставкой 20 коп.

г. XLII

1910

Къ этому № прилагается: «Полнаго собрания сочин. Всев. М. Гаршина» кн. 2.

Юрий Рябинин. Великий вояда.

Картина удостоена первой премии из 2.000 руб. на конкурс из Императорского Общества Искусств в Петербурге 1910 г.

3.1.1 Модернизация, реформа, прогресс – бытование слов в русском культурном контексте

Первые фиксации слова «прогресс» в словарях относятся к 1860-м гг. (словари В. И. Даля, Ф. Г. Толля, словари иностранных слов; «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. этого слова не содержит)¹. В текстах XIX в. слово используется с 1830-х гг., в предыдущие десятилетия синонимом выступали слова «шествие», «движение», «развитие». Поначалу в употреблении слова «прогресс» наблюдаются две черты: во-первых, использование через запятую или в скобках его иноязычных аналогов (англ. *movement* и особенно фр. *progrès*), что свидетельствовало о постепенном проникновении слова в русский язык, во-вторых, наличие дублетной пары «прогресс – прогрессия», вторая часть которой только в 1840-х гг. стала употребляться лишь как математический термин. В 1840–1850-х гг. о прогрессе пишут в разном ключе, в том числе пуристически, особенно нападая на В. Г. Белинского, полюбившего понятие «прогресс» и многократно использовавшего его в своих произведениях, а в 1851 г. в «Москвитянине» в рецензии на перевод Д. Я. Чистовичем «Руководства к оперативной хирургии» указано, что «перевод очень богат нерусскими словами, которым есть равносильные русские» – в частности, к слову

¹ История слова подробно рассмотрена Ю. С. Сорокиным: *Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX века.* М.; Л., 1965. С. 83–85.

Впрочем, «Национальный корпус русского языка» выдаёт и такой пример: «Об екзерцициях военных можем сказать, что были весьма к прогрессу обучения его величеству и всем молодым людям» [Б. И. Куракин. История о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях (Начало самостоятельного правления Петра) (1709)].

нии, ведь и тот и другой отдавали свои силы на благо некоего денационализированного проекта – Петровии.

3.4. Историческая память о Петре I в современных медиа

Историческая память о Петре I актуализируется в современных медиа как в связи с юбилейными датами, так и в качестве «актуального прошлого» для обсуждения общественно-политических событий текущей повестки. Динамика упоминаний Петра I в российской медиасфере на протяжении минувшей четверти века (с конца 1990-х гг. до конца 2021 г.) движется от попыток в конце 1990-х – начале 2000-х гг. отдельных медийных персон, используя ассоциации с Петром, придать вес и значимость своей деятельности к осмыслению через призму исторической памяти о первом русском императоре процесса модернизации России в парадигме «вертикального» государства.

Рост значения социальных сетей в формировании исторической памяти заострил вопросы, ранее поставленные исследователями в сфере журналистики: чья это память¹, каковы стороны противостояния в дискуссиях о ней², какие группы и зачем её формируют?³ Сравнение упоминаний Петра I в СМИ с упоминаниями в постах в социальной сети ВКонтакте показало, что соцсеть более абстрагирована от текущей политики и стремления рационализировать историческую память о Петре с целью более глубокой и разносторонней интерпретации текущих событий. Хотя в течение 2010-х гг. в блогах постепен-

¹ Zelizer, B. (1995) Reading the past against the grain: the shape of memory studies. *Critical Studies in Mass Communication* 12(2): 214–239. P. 235.

² Birkner, T., Donk, A. (2020). Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory Studies*, 13(4), 367–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017750012>

³ Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 59. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.711>

но увеличивалось число упоминаний Петра I в контексте аналогий с актуальными событиями и количество слов, которые можно интерпретировать как запрос на научную верификацию представляемой информации (факт, историк, научный, изучать, исследование, конференция, узнавать)¹, все же число упоминаний в данных категориях по-прежнему уступает в общем объеме развлекательному контенту (изменение календаря, распространение в России кофе и картофеля, изменение моды и облика россиян, стрижка бород и т.д.) и аффективным приемам (символы, легенды, версии и предания). Такого рода вариативная историческая память в соцсети может стать почвой как для популяризации научных знаний или для общественного обсуждения вопросов развития государства, так и для распространения всевозможных альтернативных историй.

Современный медийный образ Петра I во многом формировался в период постсоветской трансформации экономики, политики и общественного сознания 1990-х – 2000-х гг. Знаковой дискуссией для этого периода является спор о памятнике Петру I работы Зураба Церетели на Москве-реке, который длился с 1996 г., когда статуя была поставлена, до 2010 г., когда санкционировавший её установку мэр Москвы Юрий Лужков был отстранен от должности. Как писали журналисты, «накал страстей столь силен, что помимо горожан в него оказались вовлечены первые лица государства»².

Это произошло во многом потому, что дискуссия вокруг спорной скульптуры постепенно расширилась до диалога о сущности государственной модернизации. В конце советской эпохи общество опиралось на понимание модернизации как обновления, сохраняющего базовую часть модели, считая, что «немыслимо проводить обновление путем полной замены всех элементов модели, смены ее базовой части»³. Своеобразным

¹ Все материалы исследования доступны по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/HkpQYVd1QDjnow>

² Новая газета. 1997. 5 мая. № 18.

³ Архипов С. В. Современная советская публицистика. Владикавказ, 1991. С. 15.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**